

«Зелёная красавица на полотнах русских художников».

Рождественская ёлка стала неотъемлемым символом зимних праздников в середине XIX века. Она сразу завоевала сердца не только хозяев домов, но и художников.

Одним из ярких художественных свидетельств той эпохи стала картина А. Чернышёва «Рождественская ёлка в Аничковом дворце» (1840–1850-е годы). Особую ценность ей придаёт присутствие детей — редкий для придворных сцен мотив. Полотно напоминает живописный репортаж: персонажи лишены ярко выраженных индивидуальных черт, но общее настроение праздника, радости и веселья передано удивительно точно.

К концу XIX века ёлка окончательно утвердилась в российской жизни как привычный и любимый символ Рождества. Вместе с ней появились и ёлочные базары — шумные, многолюдные, наполненные предвкушением праздника. Эти сцены не могли не привлечь внимания художников. Уже в начале XX века, в непростые революционные годы, Борис Кустодиев создал живописное воспоминание о предновогодней суете — картину «Ёлочный торг».

На полотне — заснеженный город с золотыми куполами соборов вдали и оживлённая площадь внизу, где среди пушистых елей кипит торговля. Морозный воздух словно звенит, чувствуется гомон, смех, радость людей. Один из покупателей уже выбрал особенно высокую, роскошную ёлку — с истинно русским размахом. «Все

так просто и красиво», — с восхищением отмечал художник, сумевший передать на холсте само настроение праздника.

Особое очарование несёт картина Зинаиды Серебряковой «Катя в голубом у ёлки». Под нарядной новогодней ёлочкой, в изящном карнавальном костюме, художница запечатлела свою младшую дочь Катю. Девятилетняя девочка с кукольными чертами лица и трогательной, почти фарфоровой хрупкостью хорошо знакома зрителю - её образ не раз появлялся на полотнах Серебряковой.

Есть у этой картины и своя тёплая семейная история. Известно, что ёлку для праздника украшал Александр Бенуа - знаменитый русский художник и дядя Зинаиды Серебряковой. После переезда Серебряковой с детьми в Петербург в 1920 году он устраивал для них настоящие новогодние торжества. Эти вечера были наполнены песнями и стихами, весёлыми представлениями, маскарадами и той особой атмосферой праздника, которую художница сумела сохранить на своём полотне.

Картина Александра Моравова «Рождественская ёлка» - это тихий, умиротворённый и почти сказочный семейный вечер. За столом собрались родные: в воздухе витает ожидание Нового года и приближающегося Рождества. Хвойный аромат ёлки смешивается с тёплым, рассеянным светом абажура, наполняя пространство ощущением уюта и покоя.

Художник успел написать эту работу в редкий промежуток между двумя волнами «ёлочной опалы»: сначала - как символа буржуазного быта, а затем - как религиозного пережитка. Благодаря этому полотну стало не просто жанровой сценой, а тихим свидетельством эпохи, в которой рождественская ёлка на мгновение вновь обрела право быть символом тепла, семьи и надежды.

Ещё одно трогательное напоминание о рождественских праздниках и домашнем тепле. Небольшой стол, покрытый белоснежной скатертью, изящный фарфоровый сервиз, простое, но душевное угощение. Начищенный до зеркального блеска самовар соперничает в сиянии с ёлочными игрушками на пышно украшенной ёлке, наполняя пространство ощущением праздника.

Эта камерная сцена - картина «Новогоднее угощение» великой княгини Ольги Романовой. В императорской семье художественное образование было обязательным для всех детей, и младшая дочь Александра III сумела превратить этот навык в профессию. В годы изгнания живопись стала для неё источником заработка и способом сохранить связь с родиной.

